

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная смеховая культура средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1965.
2. Спенсер Г. Физиология смеха. СПб., 1881.
3. Berman P. Introduction: The Debate and its Origins//Debating PC. N.Y.; Deli, 1992.
4. McGhee P. On the cognitive origins of Incongruity Humor. Fantasy assimilation versus reality assimilation // The psychology of humor. N.Y.; London: Academic Press, 1972. P. 61–80.

REFERENCES

1. Bahtin M. M. Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaja smehovaja kul'tura srednevekov'ja i Renessansa. M.: Hudozhestvennaja literatura, 1965.
2. Spenser G. Fiziologija smeha. SPb., 1881.
3. Berman P. Introduction: The Debate and its Origins//Debating PC. N.Y.; Deli, 1992.
4. McGhee P. On the cognitive origins of Incongruity Humor. Fantasy assimilation versus reality assimilation // The psychology of humor. N.Y.; London: Academic Press, 1972. P. 61–80.

В. Ю. Клейменова

РЕФЕРЕНЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ВОЛШЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ СКАЗКИ

Рассматриваются особенности референциального пространства волшебной литературной сказки, которое характеризуется онтологической неоднородностью формирующих его объектов. Предлагается типология референциальных актов, основанная на типе литературной коммуникативной ситуации, в которой осуществляется акт референции. Формулируется тезис об универсальности механизмов референции вне зависимости от онтологического статуса денотата.

Ключевые слова: денотат, литературная коммуникация, онтологический статус референта, референциальная история, референциальное пространство, референция, цепочка коммуникации.

V. Kleimenova

Referential Space of Art Fairy Tale

The article deals with the peculiarities of art fairy tale referential space which is formed by objects of different ontology. A classification of referential acts is worked out on the basis of the types of communicative situation in which a referential act takes place. It is argued that referential mechanisms are universal and do not depend on the denotatum ontological status.

Keywords: denotatum, communication chain, literary communication, reference, referent ontological status, referential history, referential space.

Под термином «референция» в наиболее общем смысле понимается «отнесенность актуализованных (включенных в речь) имен, именных выражений/именных групп или их эквивалентов к объектам действительности (референтам, денотатам)» [2,

с. 411]. Лингвистическая теория референции рассматривает язык как связующее звено между мыслью и реальностью. Референция характеризует употребление языка говорящим и не является имманентным свойством самих выражений. Теория референ-

ции может быть использована применительно к тексту при условии расширения группы сравниваемых с действительностью объектов и включения в нее художественного текста как сложного многоуровневого речевого произведения, в котором ментальные сущности (вымышенные миры) обретают свою материальную форму. При таком рассмотрении референцию можно определить как отношение мира текста к обыденному миру или, используя метафору, предложенную Н. Д. Арутюновой, — как способ «зацепить» текст за мир. В художественном тексте сущность, к которой говорящий производит референцию, есть вымысел, и наши утверждения есть утверждения о вымысле, следовательно, *референция применительно к художественному тексту может быть определена как совокупность логико-семантических принципов соотношения вынештексовой реальности и текста как целостной системы, репрезентирующей в вербальной форме ментальную модель функционального мира.*

При рассмотрении референциальных аспектов художественного вымысла в тексте литературной сказки можно выделить следующие группы проблем: структура и онтологический статус референтного пространства, эпистемологические аспекты высказываний, составляющих художественный текст, принципы верификации истинности этих высказываний. В данной статье рассматривается первая из вышеназванных проблем.

Существуют два варианта ответа на вопрос о применимости теории референции к вымышленным сущностям.

Во-первых, вымышенные (фантазийные) образования исключаются из поля референциальности именно в силу своей вымышенности (фантазийности). «Логика ... имеет дело с реальным миром, хотя и рассматриваемым в более обобщенных и более абстрактных чертах. Говорить, что единорог существует в геральдике, или в литературе, или в воображении, — значит идти на жал-

кую и мелочную уловку» [11, с. 43]. Поскольку в процессе коммуникации говорящие создают грамматически оформленные значимые выражения о фантазийных объектах, возникла необходимость в их теоретическом осмыслинении, и П. Стросон назвал использование значимых сочетаний, не относимых ни к чему, псевдоупотреблением [14, с. 69]. Это позволяет исследователям, придерживающимся данной точки зрения, говорить о демонстративной безреферентности художественного текста [8, с. 51].

Согласно второму подходу, теория референции может быть применена не только к обыденному миру и его ментальной модели, существующей в сознании человека, но и к ментальным моделям вымышенных миров. Например, Л. Линский считает, что отсутствие объекта не разрушает акт референции [7, с. 163–164, 168]. Эту точку зрения разделяет Е. В. Падучева, по мнению которой «в случае вымышенного мира референтами языковых выражений будут объекты и ситуации в вымыщенном мире текста» [10, с. 244] (см. также работы Н. Д. Арутюновой, В. З. Демьянкова, М. А. К. Хэлидея, О. Е. Фроловой, А. Д. Шмелева и др.). Референцию в функциональном мире литературного произведения можно, вслед за Льюизом, назвать «притворной». З. Я. Тураева называет референцию художественного текста «референцией второго порядка», которая отменяет обыденную референцию и раскрывает потенциальные возможности реальности [15, с. 134].

Лингвистическое объяснение осуществления процесса референции к объектам, формирующими функциональный мир, основано на способности языка описывать не только реальный мир, но и фиксировать нематериальные сущности, такие как впечатления от экзистенциональных сущностей, мнения о них, а также мечты и фантазии. Способность человека делать значимые утверждения о явно вымыщенном, включая функции как порождения нежизнеподобного вымысла, объясняется тем, что мы считаем

и называем «сущностями все сущее в ментальных мирах сознания независимо от того, являются ли они отражением мира действительного или же являются в той или иной мере конструктами сознания» [9, с. 3]. Таким образом, классический тезис о том, что одной из главных целей употребления языка является констатация фактов о предметах, людях и событиях, следует дополнить фиксацией в вербальной форме наших фантазий, поскольку отсутствие референта в действительном мире не является препятствием для вербализации вымышленного конструкта.

Дифференциальным признаком, на котором может быть основана типология референциальных актов, осуществляемых применительно к функциональному миру, является, с нашей точки зрения, тип литературной коммуникативной ситуации, в которой осуществляется акт референции. В *реальной* коммуникации (автор — текст — читатель) осуществляется *собственно притворная* референция, когда в процессе общения реальные коммуниканты ведут речь о вымышленных сущностях, в *фиктивной* текстовой коммуникации (персонаж — персонаж) — *фиктивная* референция. В случаях собственно притворной референции и говорящий, и слушающий осознают, что обстоятельства вымышлены, что значимое сочетание не относится ни к чему за пределами функционального мира, появляется псевдоупотребление или вторичное употребление языковых единиц. Участники процесса фиктивной коммуникации имеют дело не с пространственной определенностью вещи, а с ее логической определенностью, то есть с возможностью идентификации вещи или лица, о которых идет речь в пределах референциального пространства [13, с. 220].

Референциальное пространство художественного текста представляет собой совокупность объектов и ситуаций, относительно которых осуществляется акт референции в процессе литературной коммуникации. Оно сформировано и наполнено вымышленными референтами и обладает следующими характеристиками: соотносится с жанровыми характеристиками текста, с его сильными позициями, с субъектами речи, с модальностью, с предикатами пропозициональной установки, выступающими как миропорождающие операторы, перцептивным модусом [16, с. 13].

Мы выдвигаем тезис о гетерогенности референциального пространства волшебной литературной сказки. Несмотря на то, что все объекты, формирующие данное пространство, являются вымышленными, с нашей точки зрения, они различаются по онтологическому статусу и могут быть отнесены к одной из трех групп. Во-первых, это аналоги реально существующих или существовавших предметов материальной культуры (a lesson, a teacher, a bed, pajamas), во-вторых, фикции как традиционные для данной культуры (a wand, a mermaid, a spell, a potion), так и созданные фантазией автора (alithmometer, invisibility cloak, The Goblet of Fire, deamon), и, в-третьих, предметы функционально-функциональные. К последней группе могут быть отнесены аналоги реальных предметов материальной культуры, которые получают в вымышленном мире свойства, нарушающие традиционные нормы их использования (a ring — средство перемещения между вымышленными мирами, a broom — транспортное средство или спортивный снаряд, a wardrobe, a train — портал между мирами). Объекты этих трех групп формируют функциональный мир, но их функции различны с позиций художественной семантики. Предметы первой группы не только организуют художественный мир, но создают «референциальную иллюзию» (термин Р. Барта), то есть соотносят вымышленный мир с реальностью, заставляя читателя поверить в реальность предметов второй и третьей групп. Некоторые детали избыточны, они ничего не добавляют ни к характеристике персонажа, ни к выражению авторской интенции, их единственная задача — быть средством презентации процесса

«якорения», то есть привязывания функционального мира к реальности. Например, в английской литературе существует традиция описания школьной формы как унылой, невзрачной и нефункциональной. Описание одежды учениц Академии Волшебниц в сказках Дж. Мерфи вызывает у читателя устойчивые ассоциации с реальной школьной формой: *black gymslips, black stockings, black hob-nailed boots, grey shirts, black-and-grey ties, black-and-grey checked dresses*. Одежда не влияет на развитие сюжета и не рассказывает ничего об учениках, она, в силу соответствия «правилам изображения, принятым в данной культуре», служит достижению эффекта достоверности.

При решении проблемы референции объектов, формирующих референциальное пространство художественного текста, мы исходим из двух допущений.

1. *Изменение онтологического статуса экстенсионала не влечет за собой изменений базовых принципов теории референции.* Иными словами, несмотря на то, что референтами высказываний, составляющих художественный текст, являются вымышленные сущности, к ним применимы основные понятия теории референции. Различие состоит в том, что при оперировании этими понятиями необходимо использовать модус «в функциональном мире указанного художественного произведения», который представляет собой фактор стабилизации процесса референции, так как дает ответ на вопрос, о каком из возможных миров идет речь и к какому из них принадлежит экстенсионал.

Целям идентификации вымышленных сущностей служат дескрипции, то есть текстовые характеристики предмета, которые могут употребляться вместо его имени. Следует отметить, что выбор свойств предмета для использования в качестве дескрипции определяется автором и зависит от его интенций. Подобная свобода выбора лежит в основе явления кореференции (использования различных дескрипций приме-

нительно к одному референту), при котором сохраняется возможность осуществления идентифицирующих процедур с помощью различных непрозрачных дескрипций, дающих указание не только на объект, но и на его сущностные свойства. Например, главная героиня сказок Дж. Мерфи Милдред Хаббл обозначается в различных ситуациях как *the Worst Witch, a certain young member of the school, our heroine, an exhausted pupil, the one and only, never-to-be-repeated*.

Процедура идентификации возможна при наличии у читателя двух типов информации: информации о самом объекте сообщения и о значении лексической единицы, которая используется для его номинации. По мере того, как предмет получает все новые и новые дескрипции, происходит дескриптивное расширение референциального пространства и увеличивается объем знаний читателя о нем.

2. *Социальный элемент является обязательным условием осуществления процесса референции.* Используя предложенное С. Крипке понятие «цепочки коммуникации» [6, с. 208], можно утверждать, что референция имен вымышленных сущностей устанавливается при переходе референции имени от одного звена цепочки коммуникации к другому. Человек, впервые читающий текст, принимает имя от автора и в дальнейшем использует его с той же референцией, что и автор. Длина цепочки коммуникации зависит от гносеологического статуса вымышленной сущности, которая представляет собой «фактуализацию вымысла» (термин Е. Ю. Ильиновой). Если эта сущность принадлежит «культурной памяти нации», входит в тезаурус любой личности, ассоциирующей себя с данным языковым сообществом, то цепочка может быть сколь угодно длинной, но все равно она приведет к тому же референту, для которого это имя употребляется обществом в целом: *a unicorn, a goblin, a centaur, a nymph, a faun* и т. д.

Если же речь идет о созданных фантазией писателя индивидуально-авторских элементах функционального мира, автора, то цепочка эта значительно короче. Увеличение ее длины зависит от популярности текста, от количества людей, прочитавших его и готовых использовать предложенное имя для именования рассматриваемой вымышленной сущности в процессе реальной коммуникации. В связи с тем, что современные сказочники активно расширяют экстенсионал референтных высказываний за счет создания новых вымышленных референтов, понимание текста зависит не только от имеющихся у коммуникантов знаний о традиционных для данной культуры волшебных предметах, фантастических существах и действиях, связанных с магическими ритуалами, но и от знаний об оригинальных вымышленных референтах, являющихся продуктом авторского воображения.

Каждый вымышленный референт обретает собственную «референциальную историю», которая складывается из анафорических связей в цепочке выражений, использованных для установления связи между миром и высказыванием. Различие состоит в том, что у традиционных сказочных референтов выход в современный функциональный мир основывается на традиционных значениях, существенная часть информации остается невербализованной, она подразумевается и легко воссоздается при работе с текстом.

Индивидуально-авторские фикции, в свою очередь, обладают минимальной референциальной историей, из-за отсутствия предварительного знания о предмете сообщения ничто не подразумевается, все подлежит дескрипции и вербализации характеристик, по крайней мере, при первом упоминании предмета или действия в тексте, является необходимым условием успешной литературной коммуникации. Например, описание шляпы, которая распределяет учеников волшебной школы по факультетам, включает в себя ее наименование, пе-

речисление внешних характеристик, функций в функциональном социуме и манеру поведения. *“On top of the stool she put a pointed wizard’s hat. This hat was patched and frayed and extremely dirty. ...Then the hat twitched. A rip near the brim opened wide like a mouth — and the hat began to sing:*

*“Oh, you may not think I’m pretty,
But don’t judge on what you see,
I’ll eat myself if you can find
A smarter hat than me.
You can keep your bowlers black,
Your top hats sleek and tall,
For I’m the Hogwarts Sorting Hat
And I can cap them all.
There’s nothing hidden in your head
The Sorting Hat can’t see,
So try me on and I will tell you
Where you ought to be...”* [HP 1, p. 117].

Подробная дескрипция является обязательной для выражений как с постоянной, так и с переменной референцией. В первом случае семантика высказывания ограничена одноэлементным денотатом (существует только один внеязыковой объект, по отношению к которому возможно осуществить акт референции с использованием данного выражения), например, The Ministry of Magic, “The Daily Prophet”, the author of “Nature’s Nobility: A Wizarding Genealogy”, Hogwarts School, skele-gro, etc. Если выражение характеризуется переменной референцией, его семантика представлена многоэлементными денотатами, то есть существует несколько предметов внеязыковой действительности, по отношению к которым возможно осуществление акта референции с помощью одной лексической единицы, например, portkey (средство перемещения между мирами), horcrux (сосуд, в котором хранится фрагмент души волшебника), extendable ears (прибор для подслушивания), patronus (фантастический оберег), the Knight Bus (автобус, перевозящий пассажиров в волшебном субмире), etc.

Дефиниции индивидуально-авторских фикций приводятся в каждой книге цикла,

хотя они могут отличаться по степени детализации. Избыточность информации объясняется тем, что не все читатели читают книги в логическом порядке (*in the reading order*). Однако эти дефиниции отличны по своему объему — первое упоминание о предмете сопровождается более пространным его описанием, в последующем он представлен в более сжатом виде. Введение сигнifikативной информации о референте и ее последующее расширение обогащает фоновые знания реципиента, как читателя (в реальной литературной коммуникации), так и персонажа (в фиктивной коммуникации).

Таким образом, вымышленный мир теряет свою неопределенность, и при введении модуса «в данном фикциональном мире» фантастическая действительность обретает статус конкретного референциального пространства. И в реальной, и в вымышленной литературной коммуникации этот модус не вербализируется, но подразумевается. Тем не менее, следует согласиться с мнением Л. С. Выготского, который писал, что «этая действительность или конкретность ... рассказа ни в коей мере не должна смешиваться с действительностью в обычном смысле этого слова. Это есть особая, чисто условная, так сказать, действительность добровольной галлюцинации, в которую ставит себя читатель» [4, с. 113].

Тенденция к конкретности приводит также к дальнейшему переосмыслению традиционных референтов за счет использования определенных дескрипций разного типа. Автор не полагается на способность воспринимающего сознания воссоздавать непоименованные элементы, опираясь на фоновые знания и здравый смысл. Дескрипции в тексте сказки выполняют и познавательную, и эстетическую функции. Традиционная волшебная палочка представляет собой вытянутый деревянный бруск, а все остальные детали читатель волен додумать сам. Эта вымышленная сущность вошла в багаж знаний носителей культуры, однако в современной сказке предметы этого класса

описаны значительно более подробно. Палочки разных героев обретают конкретные характеристики: они отличаются по длине, материалу, из которого изготовлены, предмету, находящемуся внутри деревянного футляра. *“Try this one. Beech-wood and dragon heartstring. Nine inches. Nice and flexible. ... Maple and phoenix feather. Seven inches. Quite whippy. ... here, ebony and unicorn hair; eight and a half inches, springy. ... unusual combination — holly and phoenix feather, eleven inches, nice and supple”* [HP 1, р. 84]. Таким образом, знание читателя о референциальном пространстве фикционального мира постоянно расширяется.

Для процесса художественной коммуникации, как реальной, так и фиктивной, значимой является мысль о том, что для выполнения референтным выражением своей коммуникативной функции (указания на предмет, о котором идет речь) недостаточно значения лексических единиц, формирующих это выражение, необходимо использовать имеющиеся у коммуникантов знания о действительности, в том числе и о культуре. «Текст — это воплощенный в предметах физической реальности сигнал, передающий информацию от одного сознания к другому и поэтому не существующий вне воспринимающего его сознания» [12, с. 9].

Используя степень новизны информации в качестве дифференциального признака, мы выделяем три типа коммуникативных ситуаций (как реальных, так и фиктивных), в которых осуществляется акт референции.

1. *Предмет сообщения находится в фонде знания и говорящего, и слушающего*, что создает условия для использования идентифицирующей референции, в которой доминируют имена собственные и слова с сингуляторным значением. Тем не менее считается, что в художественной литературе допустимо использование иных средств. По мнению А. Вежбицкой, нормативные способы идентификации различаются в зависимости от жанра произведения, но неизменно базируются на общих конвенциональных уст-

новках. «Поэтический язык, нарушающий фундаментальные семантические правила, тем самым выставляет их напоказ и раскрывает, в чем они состоят» [3, с. 261]. В этой ситуации возможна также семантическая референция, которая осуществляется с помощью дескрипции, то есть выражения, «состоящего из нескольких слов с фиксированным значением, из которых создается то, что может быть принято за значение дескрипции» [11, с. 48]. Используя свои знания, мы узнаем предмет, который «просвечивает» сквозь значение выражения. Следовательно, используя термин Б. Рассела, дескрипция в указанной ситуации не прозрачна. В этой коммуникативной ситуации осуществляется референция как к объектам фикционального пространства, имеющим аналоги в реальной действительности, так и к традиционным фикциям и к авторским фикциям с длительной референциальной историей.

2. *Предмет сообщения не знаком слушающему*, должен быть введен говорящим в фонд знаний адресата с помощью неопределенной дескрипции таксономического значения. Однако в вымышленном мире возможно существование классов предметов, отсутствующих в реальном мире, и отличное от реального наполнение классов, общих для двух миров. Поэтому возникают противоречия между классической логикой и логикой вымышленного мира. По мнению Б. Рассела, «Логика <...> не должна допускать в свои пределы единорогов, как их не допускает зоология» [11, с. 43]. В вымышленной действительности, живущей по своим законам, предложения оказываются истинными при определенных условиях, заданных автором и принятых читателем.

Противоречия между логикой классической и логикой фантастического мира отличаются по степени интенсивности. Например, они минимальны в ситуации создания автором нового класса вымышленных существ «гоблины-банкиры». В описании их трудовой деятельности содержится исклю-

чительно лексика, относящаяся в реальной коммуникации к теме «коммерция»: весы, взвешивать, бухгалтерские книги, монеты, драгоценные камни и т. д., что значительно облегчает задачу читателя — принять на веру утверждение автора, и следующее описание банка обретает истинность в пределах отдельно взятого фикционального мира. *“A pair of goblins bowed them through the silver doors and they were in a vast marble hall. About a hundred more goblins were sitting on high stools behind a long counter, scribbling in large ledgers, weighing coins in brass scales, examining precious stones through eyeglasses”* [HP 1, р. 73].

Логика фикционального мира может противоречить логике мира реального. Например, известно, что человек тождественен самому себе, но в мире сказки достаточно выпить зелье для того, чтобы превратиться в другого человека, мультипликация физической оболочки личности становится возможной. *“All of them gasped and grimaced as the Potion hit their throats: at once, their features began to bubble and distort like hot wax. ... there were six Harry Potters gasping and panting in front of him”* [HP 7, р. 62].

Благодаря неопределенной дескрипции одна и та же сущность может быть представлена адресату с помощью различных выражений, причем последующее выражение не должно противоречить предыдущим и, более того, должно опираться на знания, полученные в результате их использования. Это обязательное условие кореференции — сохранение тождества референта в тексте. Следует помнить, что «выбор определенных дескрипций в тексте не должен выходить за пределы той информации, которая была ранее сообщена адресату. Введение «посторонних» ограничительных определений и придаточных мешает кореферентности имен и тем самым нарушает связность текста» [1, с. 26].

Именно эксплицированные дифференциальные признаки позволяют создать систему персонажей и задать хронотоп вымышленной действительности.

Все дескрипции, будучи возможными вариантами характеристики сущности, должны иметь в своем значении некий общий компонент, инвариант, который сохраняется, несмотря на появление и накопление изменений актуализированных признаков. Количественные изменения никогда не переходят в качественные, поскольку в таком случае акт коммуникации был бы разрушен. Большой зал школы магии и волшебства узнаваем и в дни праздника, и в дни траура. *“The four long tables in the Great Hall were filling under the starless black ceiling, which was just like the sky they could glimpse through the high windows.”* [HP 5, p. 224] *“The whole place was eerily still, as if all its remaining lifeblood were concentrated in the Great Hall, where the dead and the mourners were crammed”* [HP 7, p. 556].

3. *Референт не известен ни говорящему, ни слушающему*, и свобода выбора характеристик для неопределенной дескрипции ограничена незначительным набором признаков, которые референт проявил, не являясь собой. Для подобных ситуаций К. С. Доннеллан сформулировал понятие атрибутивного употребления определенных дескрипций, при котором «говорящий утверждает нечто относительно того объекта (или лица), который удовлетворяет дескрипции, каков бы он ни был» [5, с. 139]. Они выполняют две функции: характеризуют и идентифицируют референт, который, с точки зрения говорящего, существует и обладает указанными свойствами. Причем свойства, названные в дескрипции, рассматриваются автором высказывания как существенные. Данный тип использования определенных дескрипций возможен только в фиктивной коммуникации, когда информация скрыта от обоих персонажей. В реальной литературной коммуникации атрибутивное определение невозможно в силу того, что автор, будучи демиургом, обладает всей полнотой информации о функциональном мире. Например, герои сказки должны найти некоторые таинственные предметы, но не знают, что это за предметы. *“Well, you can’t do anything about the — ‘Ron mouthed the word Horcruxes, ‘til*

you’re seventeen. You’ve still got the Trace on you. And we can plan here as well as anywhere, can’t we? Or, ‘he dropped his voice to a whisper, ‘d’you reckon you already know where the you-know-whats are?’ ‘No,’ Harry admitted” [HP 7, p. 100].

Обобщая вышеизложенное, следует отметить, что отсутствие данного в непосредственных ощущениях референта не является препятствием для осуществления акта референции как в реальной, так и в фиктивной коммуникации. Несмотря на то, что вымышленные или функциональные предметы имеют в качестве референта не физический объект, а ментальный образ, механизм процесса референции оказывается идентичным в обоих случаях. Особенно важно, что в тексте вещь рассматривается не изолированно, а во всей совокупности имплицитных связей с другими как функциональными, так и реальными предметами, образующими единое функциональное пространство, представленное текстом, которое рассматривается как референциальное пространство.

Учитывая определение референции, уточненное применительно к художественному тексту, представляется правомерным утверждать, что механизмы референции представляют собой универсалии и не зависят от онтологического статуса действительности, явленной в тексте, а главное отличие художественного текста от текста, порожденного в повседневном общении, заключается в специфике его референта. Несмотря на онтологическую разнородность предметов, формирующих референциальное пространство волшебной литературной сказки, они имеют равный статус с точки зрения теории референции, поскольку, во-первых, любой из них может быть объектом сообщения и потребовать не только номинации, но и референции. Во-вторых, каждый тип представляет собой внешний мир с соотносящимся с ним текстом, поскольку воображение автора, которое творит вымышленные сущности, есть часть реального мира.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ПРИМЕРОВ

1. HP 1 — *Rowling J. K. Harry Potter and the Sorcerer's Stone*. Scholastic Inc. 1999. 310 p.
2. HP 5 — *Rowling J. K. Harry Potter and the Order of the Phoenix*. Bloomsbury, London, 2004. 956 p.
3. HP 7 — *Rowling J. K. Harry Potter and the Deathly Hollows*. Bloomsbury, London, 2008. 786 p.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Арутюнова Н. Д.* Лингвистические проблемы референции // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Логика и лингвистика (проблемы референции). М.: Радуга, 1982. С. 5–40.
2. *Арутюнова Н. Д.* Метафора // Языкоzнание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 300–301.
3. *Вежбицкая А.* Дескрипция или цитация // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Логика и лингвистика (проблемы референции). М., 1982. С. 237–262.
4. *Выготский Л. С.* Психология искусства. М.: Просвещение, 1987.
5. *Доннелан Д.* Референция и определенные дескрипции // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Логика и лингвистика (проблемы референции). М., 1982. С. 134–160.
6. *Kripke S. A.* Загадка контекстов мнения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 18. Логический анализ естественного языка / Пер. с англ. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. В. В. Петрова. М.: Прогресс, 1986. С. 193–240.
7. *Линский Л.* Референция и референты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Логика и лингвистика (проблемы референции). М., 1982. С. 161–178.
8. *Михайлов Н. Н.* Теория художественного текста: Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2006. 224 с.
9. *Никитин М. В.* Основные модели когнитивной оппозитивности // *Studia Linguistica XV*. Язык и текст в современных парадигмах научного знания. СПб., 2006. С. 3–12.
10. *Падучева Е. В.* Семантические исследования. М., 1996.
11. *Рассел Б.* Дескрипции // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Логика и лингвистика (проблемы референции). М., 1982. С. 41–54.
12. *Руднев В. П.* Прочь от реальности: Исследования по философии текста. М.: Аграф, 2000. 432 с.
13. *Степанов Ю. С.* Константы: Словарь русской культуры. М., 2001. 990 с.
14. *Стросон П. Ф.* Идентифицирующая референция и истинностное значение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Логика и лингвистика (проблемы референции). М., 1982. С. 55–86.
15. *Тураева З. Я.* Лингвистика текста. Текст: Структура и семантика: Учебное пособие. 2-е изд., доп. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 144 с.
16. *Фролова О. Е.* Мир, стоящий за текстом: референциальные механизмы пословицы, анекдота, волшебной сказки и авторского повествовательного художественного текста. М., 2007. 320 с.

REFERENCES

1. *Arutjunova N. D.* Lingvisticheskie problemy referentsii // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. XIII. Logika i lingvistika (problemy referentsii). M.: Raduga, 1982. S. 5–40.
2. *Arutjunova N. D.* Metafora // Jazykoznanie. Bol'shoj entsiklopedicheskij slovar' / Gl. red. V. N. Jartseva. 2-е izd. M.: Bol'shaja Rossijskaja entsiklopedija, 1998. S. 300–301.
3. *Vezhwickaja A.* Deskriptsija ili tsitatsija // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. XIII. Logika i lingvistika (problemy referentsii). M., 1982. S. 237–262.
4. *Vygotskij L. S.* Psihologija iskusstva. M.: Prosvewenie, 1987.
5. *Donnelan D.* Referentsija i opredelennye deskriptsii // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. XIII. Logika i lingvistika (problemy referentsii). M., 1982. S. 134–160.
6. *Kripke S. A.* Zagadka kontekstov mnjenija // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. 18. Logicheskij analiz estestvennogo jazyka / Per. s angl. / Sost., obshch. red. i vstop. st. V. V. Petrova. M.: Progress, 1986. S. 193–240.
7. *Linskij L.* Referentsija i referenty // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. XIII. Logika i lingvistika (problemy referentsii). M., 1982. S. 161–178.

8. *Mihajlov N. N. Teorija hudozhestvennogo teksta: Ucheb. posobie dlja stud. filol. fak. vyssh. ucheb. zavedenij.* M.: Izdatel'skij tsentr «Akademija», 2006. 224 s.
9. *Nikitin M. V. Osnovnye modeli kognitivnoj oppozitivnosti // Studia Linguistica XV. Jazyk i tekst v sovremennoj paradigmah nauchnogo znanija.* SPb., 2006. S. 3–12.
10. *Paducheva E. V. Semanticheskie issledovaniya.* M., 1996.
11. *Rassel B. Deskripcii // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. XIII. Logika i lingvistika (problemy referentsii).* M., 1982. S. 41–54.
12. *Rudnev V. P. Proch' ot real'nosti: Issledovaniya po filosofii teksta* M.: Agraf, 2000. 432 s.
13. *Stepanov Ju. S. Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury.* M., 2001. 990 s.
14. *Stroson P. F. Identifitsirujushchaja referentsija i istinnostnoe znanie // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. XIII. Logika i lingvistika (problemy referentsii).* M., 1982. S. 55–86.
15. *Turaeva Z. Ja. Lingvistika teksta. Tekst: Struktura i semantika: Uchebnoe posobie.* 2-e izd., dop. M.: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2009. 144 s.
16. *Frolova O. E. Mir, stojashchij za tekstrom: referentsial'nye mehanizmy poslovitsy, anekdota, volshebnoj skazki i avtorskogo povestvovatel'nogo hudozhestvennogo teksta.* M.: 2007. 320 s.

T. A. Чубур

СЕМАНТИКО-КОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ КОНЦЕПТА «КУЛЬТУРНЫЙ ЧЕЛОВЕК»

Комплексный подход к исследованию языкового материала, составляющего номинативное поле концепта, позволяет выявить структурные компоненты изучаемых лексем, а также интерпретировать полученные результаты семенного анализа с целью выявления когнитивных признаков концепта. Предложенные методы компонентного анализа лексических единиц позволяют наиболее полно и адекватно описать их структурный состав.

Ключевые слова: номинативное поле концепта, компонентный анализ, методы исследования семантики слова, сема, метаязык.

T. Chubur

Semantic-cognitive Analysis of the Russian Lexical-semantic Field of the Concept *Cultured Person*

A complex approach to research of the language material making a nominative field of a concept allows to reveal structural components of studied lexemes, and also to interpret the results of seme analysis for the purpose of revealing cognitive signs of a concept. The suggested methods of the component analysis of lexical units allow to describe their structure most adequately.

Keywords: nominative field of a concept, component analysis, methods of semantic analysis of a word, seme, metalanguage.

Прилагательные, входящие в номинативное поле концепта *культурный человек*, составляют важный фрагмент лексической системы русского языка, поэтому выявление их семантических особенностей является актуальной задачей, поскольку именно прилагательные, обладая особым номинативным характером и особой концептуальной структурой, с наибольшей очевидно-

стью демонстрируют, благодаря каким свойствам и признакам человек выделяет объект из класса подобных, то есть делает выбор каких-то определенных, наиболее важных характеристик из бесконечного множества признаков и свойств.

Семантический анализ изучаемых нами прилагательных представляет значительные трудности по причине отсутствия четких и